

Выбор победителя III сезона

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Анастасия Морозовская

Кладбище
в кустах

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2024

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

М80

Оглавление

М80 Кладбище в кустах / Анастасия Морозовская.

— М.: Белая ворона, 2024. — 144 с.

Глава 1.....	7
Глава 2.....	19
Глава 3.....	33
Глава 4.....	43
Глава 5.....	59
Глава 6.....	65
Глава 7.....	73
Глава 8.....	81
Глава 9.....	87
Глава 10.....	99
Глава 11.....	105
Глава 12.....	109
Глава 13.....	115
Глава 14.....	123
Глава 15.....	129

ISBN 978-5-00114-472-4

© Анастасия Морозовская, текст, 2023

© Марина Карасёва, оформление обложки, 2024

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2024

Глава 1

По субботам мы с бабушкой Эммой лепили манты — с рубленой говядиной, с луком, на-моразживали на неделю вперед. Я только их и ел. В другие дни бабушка не готовила, даже вареную гречку покупала в ближайшей кулинарии, чтобы время не тратить. Отец ворчал на меня, из-за того что одними мантами питаюсь: будто ему не все равно. Ему-то какая разница? Он мне и не отец — отчим. Он, правда, меня оставил жить у себя, а мог и в интернат отправить или к деду билет в один конец купить, куда б тот делся...

До того как к нам переехала бабушка Эмма, мы полгода жили вдвоем с отцом. Он выпивал, но не при мне и не дома. После приходил, ложился в костюме и обуви в кровать, а утром принимал душ, надевал чистое и шел на работу

к себе в юрфирму. Не спросив, отец по телефону записал меня на продленку, чтобы ему не приходилось участвовать в моей жизни. Я учился в первую смену, уходил утром, возвращался поздно. Домашку делал в школе, а после сразу же шел гулять с друзьями — Марком и Матвеем. Мы обычно в футбол на школьном дворе гоняли, только они бегали домой переодеться и пообедать, а я — нет. У меня были карманные деньги, немного, но на булку или столовскую пиццу всегда хватало. Я возвращался, ужинал в комнате бутербродами и укладывался спать, поэтому с отцом мы почти не пересекались.

Однажды он пропал на двое суток. Я звонил на работу, и в больницу, и в полицию, но там никто ничего не знал и искать его не собирались. А утром, на третьи сутки, отец вернулся — переносица фиолетовая с красным, щетина клочками. Брюки на коленях в засохшей грязи, на белой рубашке большой серый отпечаток обуви. Его, прихрамывающего, придерживая под локоть, ввела в квартиру старуха.

Оказалось, старуха — его мать, оказалось — даже не знает обо мне. Неудивительно, я о ней

тоже не слышал. Здравствуйте, бабушка, у вас чужой внук теперь...

Отец невнятно назвал имя, махнув в мою сторону вялой рукой. Мы уложили его в кровать прямо в грязной одежде, и он сразу же уснул. Мне пришлось самому объяснять старухе, кто я такой, хотя это она пришла ко мне в дом, а не я к ней.

Но старушка ничего, пыталась улыбаться — получалось криво. Уголки ее губ нервно подрагивали. Старушка бегала глазами по моему лицу, стараясь не встречаться взглядом.

С отцом я почти всегда молчал. А ей отчего-то как начал рассказывать. Говорил, говорил и не мог остановиться. Рассказал, что я Данил, что живем в этой квартире третий год и что у нас был попугай, но он улетел. Рассказал о несправедливой тройке за доклад по истории, о порванных кедах, о родимом пятне в форме слона на шее одноклассницы. Рассказал и о том, как стоял по полдня у окна и из-за горшка с давным-давно засохшей геранью выглядывал, не идет ли мама, и как она последний раз позвонила отцу и тот сказал мне, что мама не вернется.

Старушка слушала меня не перебивая, пока я не замолк.

— А я Эмма, мама твоего отчима Саши, — сказала она. — Мы давно с ним не виделись. Я тут немного поживу, посмотрю за ним. Можно?

Мне стало приятно, что она спросила моего разрешения. Другая бы просто втащила в дом свои сумари и баулы и комнату самую лучшую заняла.

Как-то само собой, плавно и незаметно старуха стала бабушкой Эммой: взгляд спокойный из-под чуть прикрытых век, голова набок; включает чайник, звенит ложечкой, разбалтывая сахар в чашке, или кисточкой, смывая с нее акварельную краску, — она работала иллюстратором.

Недели не прошло, а бабушка Эмма уже звала меня Данечка, коротко обнимала, я ее — нет, руки по швам, но не сопротивлялся. Мне тоже иногда хотелось, только я не решался. Да это в общем-то неловко и незачем. Я разглядывал ее, не понимая, как у теплой, мягкой, как свежее выпеченная булочка, бабушки получился отец. Только руки у обоих были одинаковые — тонкие,

жилистые, с широкими суставами на длинных пальцах.

Отец при бабушке Эмме был таким же — молчал, хмурился, но выпивши не приходил. Не знаю, из уважения или боялся взбучки. Хотя представить, как бабушка Эмма ругается или читает нотации отцу, я мог с трудом.

Однажды бабушка Эмма вернулась из магазина с большущим пакетом. Прошла в кухню, вынула попку — кастрюлю из алюминия в три яруса, внутри поддоны с круглыми мелкими дырками.

— Мантышница, — сказала бабушка Эмма улыбаясь.

И я понял: бабушка Эмма остается надолго. Мне так захотелось обнять ее. Я начал греметь этой мантышницей, разбирая ее на части, чтобы не расплакаться. Нарочно уронил один поддон на пол, присел на корточки, сглотнул накопившие слезы и только после этого поднялся.

Бабушка Эмма поселилась в комнате, где раньше стоял рабочий компьютер мамы. На металлических жалюзи толстым слоем лежала пыль, бабушка Эмма взяла тряпку, начала протирать, но быстро прекратила это занятие.

— Так бездарно я свое время тратить не стану, — сказала бабушка Эмма и принялась открывать крепления жалюзи. Она быстро сняла их прямо с пылью, запихнула в мусорный пакет и вынесла на помойку. Вместо них на окнах появились желтые занавески с кисточками, а на столе — журналы и книги об акварельной живописи, пеналы с карандашами, краски, палитры и круглый кактус, который расцвел желтым цветком.

Отец все больше сутулился, как будто ему холодно и от этого он вжимает шею в плечи. Он совсем перестал смотреть на меня — всегда чуть в сторону. С бабушкой Эммой он изредка общался, но исключительно по делу — что купить в магазине, к которому часу вернется, будет ли ужинать, а как только рядом появлялся я, отец старался поскорее закончить разговор.

— Бабушка Эмма, может, это из-за того, что я на мать похож? — спросил я однажды.

— А ты похож?

Из школьного рюкзака я достал тетрадь, из тетради — фото.

— Только эта есть. Остальные мы с отцом в гараж отнесли. Не нужны они тут.

Бабушка разглядывала фотографию. Было видно: думает, что бы мне ответить.

— Данечка, трудно сказать. — Она протянула мне фото. — Волосы — да, а так...

— Я знаю, что вылитый, — перебил я.

— Пусть так. Только дело не в этом, думаю.

— А в чем?

— Даня, только ты один знаешь, что отец пережил. Только ты видел, как его оставили. Может, ему перед тобой стыдно?

— Ему стыдно? Я все же думаю, что не нравлюсь ему.

— Дай ему да и себе тоже дай время. Что у твоего отца на душе, одному Богу известно.

— Ты думаешь, Бог есть?

— Думаю, да. А ты?

— Думаю, нет. Тебя это расстраивает?

— Глупости какие, нет, конечно. Меня когда крестили, я маленькая была, лет пять. Священник пришел к нам во двор, запихнул меня, голую, в ноябре в бочку с ледяной водой и притопил на несколько секунд. Ох как я там захлебывалась,

думала — умру. Тогда во мне никакой веры не было, точно. В этом деле никакого насилия быть не должно.

— А когда ты поверила, что Бог есть? Случилось какое-то чудо?

— И не одно.

— Ну например?

Бабушка Эмма улыбнулась:

— Например, ты.

Когда отец возвращался с работы, я замолчал, и мы с бабушкой Эммой уходили в мою комнату. Может быть, ему вообще все равно, есть я или нет. Хорошо, если так. Он меня не трогает, не лезет с воспитанием, только изредка — насчет мантов: «Опять?» — скажет, не глядя на меня. Ага, опять. А с бабушкой Эммой хорошо: ей все интересно, всегда на все есть время, и она часто гладит меня по спине теплой рукой, просто так — подойдет, погладит. Или голову массирует — бабушка Эмма знает особенные точки за ушами и на затылке, которые, если помассировать, лечат или расслабляют.

Я на ходу придумывал вопросы, чтобы бабушка Эмма продолжала говорить со мной. Прежде

чем ответить, она всегда думала, смотрела куда-то вправо и вверх, как будто там написан ответ.

— Бабушка Эмма, а ты знаешь точки на теле, которые могут вырубить?

— Вырубить?

— Ну да, чтоб человек сознание потерял от прикосновения, как в кино.

Бабушка Эмма рассмеялась, потом говорит:

— Ну садись, сейчас я нащупаю у тебя такую точку, но это не быстро.

Я уселся за стол и подпер руками голову, а бабушка начала дотрагиваться и нажимать в разных местах на голове, шее и ушах. Поначалу я был напряжен, оттого что вот-вот узнаю секрет вырубавшей точки, — страшно и интересно! — но потом почувствовал, как мои веки тяжелеют, а по всему телу словно растекается тепло.

— Все! — громко и неожиданно сказала бабушка Эмма.

Я аж подпрыгнул на стуле.

— Я что, был без сознания?

— Да, минуты три.

— Но... но... я не запомнил, что там за точка! Куда нажимать-то?

Бабушка снова рассмеялась.

— Данечка, неужели ты человека, которого хочешь, как ты говоришь, вырубить, сначала на массаж позовешь? — Она растрепала мне волосы и пошла работать.

В субботу я только из школы приду, бабушка уже ждет, чтобы начать готовить. Я очень любил лепить манты, хотя никому из друзей, конечно же, не рассказывал — стыдно. Поэтому Марку и Матвею, когда они звали после уроков в футбол играть, я врал, что меня заставляют помогать по дому.

Я чистил лук и нарезал мясо. Говядина была заморожена, чтобы кубики получались мелкие, ровные. Пальцы от холода кололо изнутри. Но бабушка настаивала, прокрученный фарш — не то, нужно рубленое мясо. Сама она месила тесто. Раскатает на полстола тонкий овал с ровными краями, а я стаканом кругляши вырезаю. На каждый кругляш под мясо клали кусочек сливочного масла — бабушкин секрет, тогда манты получались еще сочнее.

Мы друг напротив друга сидим, защипываем краешки теста и играем в города — нужно

успеть назвать город, пока бабушка не долепит мант. Я не успевал вспомнить и выдумывал название, она хохотала, задрав голову. Бабушка могла назвать город на любую букву, ни секунды не раздумывая. Некоторые названия я в первый раз слышал.

Говорю:

— Тебе на «н». — Думаю, Норильск, Нижний Новгород, Николаев были.

А она:

— Нягань... — Улыбается.

Нягань... Как ей идет это — «Нягань».

Отварим манты, отец молча с нами садится, ест. Съел, встает и, повернувшись к нам спиной, говорит:

— Спасибо.

Чтобы не смотреть на меня — вылитого...

Глава 2

Бабушка Эмма предложила мне уйти с продленки.

— Данечка, давай лучше домой сразу возвращайся, чего там торчать.

Скажи она это на день раньше, я бы подпрыгнул от радости и больше никогда не торчал бы лишние несколько часов в школе. Но сегодня в начале продленки в кабинет вошла девушка. Худая, в джинсах, с головой заматанная в шарф, кеды как у меня — черные тканевые с белым носком, только чистые и не рваные. Она села за учительский стол, стянула шарф — под ним длинные растрепанные кудри. Девушка вынула из сумки книги, тетради, быстро забрала волосы в хвост, оголив тонкую шею.

— Здравствуйте все! Меня зовут, — она взяла маркер и начала писать на доске имя, — Алла Александровна.

Класс переглядывался. Я подумал, обнаглевшая старшекласница прикалывается — но она достала список с фамилиями.

— Так, давайте знакомиться. Я буду называть вас по имени, вы не вставляйте, просто поднимайте руку. Договорились?

Пара человек кивнула, остальные разглядывали ее. И я разглядывал. Новая учительница называла имена одно за другим, наконец произнесла мое:

— Жиркович Данил.

Я на автомате встал.

— Можно сидя, Данил, — сказала она улыбаясь.

До меня только дошло, что больше никто из-за парты не поднимался, и я сел, неловко и громко задвинув стул.

Новенькую учительницу мы между собой стали называть Аллочкой. Она рассказала, что из пединститута, практику у нас проходит, что планирует работать в этой школе учителем литературы и русского языка.

— У меня предложение: если вы сейчас сделаете заданную домашнюю работу, остаток времени я вам почитаю страшные истории.

Группа зашумела от восторга.

Аллочка приложила тонкий палец к губам:

— Ч-ш-ш. Только это между нами. Или Пушкина читаем?

Пацаны и даже обе девочки выкрикивали:

— Нет! Страшилки!

— Мы — могила!

Все наспех сделали домашку. Аллочка вынесла стул к доске, села, закинула ногу на ногу — задралась штанина, стал виден голубой носок с желтыми утками.

Я думал, что услышу какое-то старье о зеленом ногте: мама отправила девочку за пирожками, но та не вернулась, мама сама сходила, купила пирожок, надкусила, а там ноготь с зеленым лаком, как у ее дочки. Оказалось, что продавщица пирожков — милая бабулька — перемальвала человечину в гигантской мясорубке, ну и пекла потом пирожки. Но Аллочка читала нам Толстого, не того, от которого старшекласники закатывали глаза, а Алексея

Константиновича Толстого, «Семью вурдалаков». Она делала длинные паузы, во время которых заглядывала в наши лица, ухмылялась, вскрикивала — девчонки визжали от неожиданности, пацаны вздрагивали, вытирая мокрые ладони о брюки. А потом Аллочка рассказала, что в нашем округе была одна семейка каннибалов, и вопрос с поеданием человеческого мяса у Следственного комитета до сих пор не закрыт. После продленки я даже подумывал — а не позвонить ли бабушке Эмме, чтобы она меня встретила.

Я, Марк и Матвей жили в одной девятиэтажке. Марк первый заходил домой, он из второго подъезда. Я из третьего, Матвей из пятого, но он очень попросил проводить его, и я согласился. Проводив Матвея, я побежал со всех ног к себе на четвертый этаж и, казалось, слышал за спиной сопение и даже почувствовал холодное, еле ощутимое прикосновение. Вбежал в квартиру, захлопнул дверь — защелка, цепочка. Прикрыл глаза, отдышался и вспомнил, как Аллочка смотрела на меня, улыбаясь, когда я поднялся, чтобы представиться, и тоже улыбнулся. Во мне,

в груди и в животе, что-то резко, быстро сжалось и отпустило, а потом стало тепло, как будто я съел тарелку горячего супа.

— Я люблю Аллочку, — сказал Марк перед третьей продленкой.

Матвей, услышав это, стал красным. Я сжал челюсти и промолчал.

Марк продолжил говорить:

— Я хочу провожать ее. Вы со мной? Кругом маньяки и подвалы, а она такая...

— Хрупкая, — вырвалось у меня.

— Точно, хрупкая! Ну? Вы со мной?

Мы с Матвеем согласились.

В тот день Аллочка читала о заживо погребенных, рассказывала о том, что в нашем городе были случаи, когда проводилась эксгумация, а крышка гроба оказывалась исцарапана изнутри. Но в какой-то момент я потерял нить рассказа. Я думал о том, что было бы здорово, если бы Марк свалился с тяжелой простудой и не ходил бы в школу пару-тройку недель. Или переехал в другой район и сменил школу. А лучше улетел в другую страну. Мне не нравилось, что он первым сказал, что влюбился в Аллочку,

хотя я бы вряд ли решился. После его признания говорить «и я» неловко, но с провожанием до дома Марк, конечно, здорово придумал.

Аллочка посмотрела на меня исподлобья, щурясь: видимо, выражение лица у меня было отрешенное, или я, пропустив важный момент в истории, не отреагировал. Под ее пристальным взглядом я покраснел.

После продленки мы сгрудились вокруг учительского стола Аллочки. Она складывала вещи в сумку.

— Алла Александровна, мы вас до дома проводим, — сказал Марк, глядя то на меня, то на Матвея. — Нас много, а вы одна, вы сама, э-э-э, сами говорили, что опасно.

Аллочка слушала Марка и улыбалась.

— Спасибо, но я всего в паре кварталов от школы живу, — ответила она.

— Вот и тем более, все самое страшное на последних метрах и минутах происходит, вы же знаете, — сказал Марк.

— Ну хорошо.

С этого дня после продленки мы провожали Аллочку, и только после — в футбол гонять.

Она шла быстро, Марк слева, Матвей справа. Тротуар был узковат для четверых человек, поэтому я шел чуть сзади, но мне нравилось: до меня доносился запах ее духов — необычный, не сладкий, а похожий на одеколон отца. Марк что-то говорил Аллочке, а она отвечала ему, при этом оглядывалась на меня.

Бабушка Эмма заметила, что я стал носить в школу только белые рубашки, хотя нам не обязательно.

— Красивая прическа, Данечка, — сказала она, когда я отцовским гелем приглаживал торчащий пучок волос на макушке. — Как там ваша Алла Александровна? Читает страшные истории?

— Читает, читает. Сегодня — вторая часть истории о проклятом доме.

— Какая же ваша Алла Александровна молодец.

— Да? — удивился я.

— Да. Я вижу, ты в библиотеке книгу взял. Это же из-за нее?

— Да, Аллочка посоветовала мне Кинга.

Бабушка улыбалась:

— Именно тебе?

Я немного смутился и не стал рассказывать, как подходил к Аллочке с расспросами о том, какие книги, на ее взгляд, самые-самые.

— Данечка, а ты мне расскажешь потом про проклятый дом?

— Конечно! А ты за меня работу по ИЗО сделаешь?

— Сделаю. Только левой рукой придется рисовать, чтобы поверили, — смеялась бабушка.

В пятницу после продленки Аллочка сказала:

— Сегодня меня провожать не нужно.

— Почему? — слишком громко спросил Марк и, чтобы сгладить ситуацию, стал шутить: — Маньяки, черные руки, вампиры в пятницу активизируются с особой силой!

Мне было неловко из-за слов Марка, но я тоже хотел знать, почему сегодня провожать не надо.

Аллочка, ковыряясь в телефоне, ответила:

— Я сегодня не домой.

— А куда? — не выдержав, спросил я.

Аллочка оторвала взгляд от телефона, посмотрела на меня и сказал:

— Иду гулять со своим молодым человеком.

Меня сильно затошнило. Я попрощался и быстро вышел из класса.

До туалета я бежал. Меня чуть не вырвало. Я умылся, еще раз умылся и вернулся в класс.

Аллочка еще не ушла и, как мне показалось, виновато посмотрела на меня.

— Данил, с тобой все в порядке? — спросила она.

Я кивнул, схватил Марка за рукав, вытащил в коридор и позвал к нам Матвея.

— Дань, чего это с тобой? — спросил Марк.

— Давайте проследим за Аллочкой и наваяем ее ухажеру! Нас трое. Он наверняка хилый ботан из педа.

— Давайте, — неуверенно ответил Марк.

Матвей грыз нижнюю губу, глядя в пол.

Аллочка вышла из школы, мы смотрели на нее из-за угла. Она на ходу распустила волосы.

— Идем, — шепотом скомандовал я.

Мы перемещались перебежками: от угла школы — к дереву, от дерева — к киоску Роспечати.

Аллочка остановилась на трамвайной остановке. Из-за поворота дребезжа выехал трамвай. Марк и я побежали со всех ног. Рюкзак, полный

учебников, подскакивал и, приземляясь, сильно бил меня по спине. Мы успели заскочить в первый вагон. Аллочка ехала во втором.

Прилипнув лбами к стеклу трамвайного окна, мы внимательно смотрели на всех, кто выходил.

К нам подошла кондукторша, вяло, монотонно спросила:

— Молодые люди, что у вас на проезд?

— Матвей... — Я махнул ему рукой, не отрываясь от запотевшего стекла. — Заплати, пожалуйста, я потом отдам.

Матвей начал рыться в рюкзаке в поисках денег.

Аллочка вышла. Мы с Марком выскочили из вагона. Матвей стоял и смотрел на нас в окно, пока кондуктор неспешно отсчитывала ему сдачу. Двери закрылись.

Мы с Марком засмотрелись на Матвея, в удаляющемся трамвае, и чуть не упустили из вида Аллочку. Разглядев ее среди прохожих, мы подбежали на безопасное расстояние и стали следить за ней из-за синей кабины уличного биотуалета. Аллочка шла в сторону Пушкинской площади. Она остановилась, достала из сумки зеркало,

поправила волосы. Из биотуалета, за которым мы прятались, вышла женщина и, озираясь, убежала. Наверное, подумала, что мы подглядывали за ней. Бр-р, гадость. Мы подбежали поближе, присели на корточки за лысой клумбой, оттуда было отлично видно всю Пушкинскую площадь.

Аллочка прошла мимо памятника Пушкину и села на лавочку. В ее сторону шел худощавый низенький парень с букетом.

Я сжал руки и зубы, уже представляя, как несусь и сбиваю этого студента с ног, как пинаю в живот, а он, скрюченный, корчится и стонет...

Внезапно я почувствовал запах знакомых духов. Только не мог вспомнить, откуда знаю его. Мимо нас прошел курсант летного училища — в синей форме, метр девяносто точно, туловище — перевернутый треугольник, шея мощная, большие руки.

Мои кулаки обмякли. Тело ослабело. Я сел на землю.

— Смотри! — сказал Марк, указывая на курсанта.

Аллочка подбежала к курсанту и повисла на его толстой шее. Он подхватил ее, хрупкую,

и стал кружить в воздухе, как в приторно-сладкой киношке.

Марк похлопал меня по плечу, протянул руку, я ухватился за нее, встал, и мы пошли к трамвайной остановке. Я набрал номер Матвея, послышался один длинный гудок, дальше короткие — сбрасывает. Я бы тоже, наверное, обиделся.

Дома я лег на кровать лицом к стене, поджав ноги. Меня знобило. Бабушка Эмма услышала всхлипывания, которые, как я ни старался, не получалось сдержать. Она села рядом, на край кровати.

— Данечка? Что случилось? — тихо спрашивала бабушка и гладила меня по спине.

Я не мог произнести ни слова.

— Данечка, если ты скажешь, что случилось, возможно, тебе станет легче.

— Ал-л-лочка, — выдавил из себя я и зарыдал в голос.

Успокоившись, спросил:

— Я не буду больше ходить на продленку, ладно?

— Конечно, конечно, — ответила бабушка Эмма.

— Бабушка Эмма, мне очень стыдно, прости.

— Стыдно? Перед кем?

— Перед тобой, конечно. Я расплакался, я же не девчонка.

Бабушка Эмма провела по моей щеке тыльной стороной ладони.

— Данечка, в жизни так мало людей, перед которыми можно просто поплакать, и я очень рада, что ты позволил побыть рядом с тобой.

— Спасибо. Как думаешь, это была любовь?

— Ну раз ты говоришь «была», то, скорее всего, — нет.

Я на удивление быстро перестал думать об Аллочке. Только после слезки я понял, что мне вообще-то ничего не светило, в ее глазах я ребенок, да я и есть ребенок. Поэтому мои белые рубашки снова стали жить в шкафу, а я вернулся к футболкам и толстовкам, мятым и уютным.

Марк тоже через пару недель перестал ходить на продленку. Он записался в бассейн, сказал, что хочет укрепить торс. А Матвей остался. Он, наверное, до сих пор с ума сходит по Аллочке.

Но бабушка Эмма была права, после продленки с Аллочкой я стал читать. Я часами зависал

в электронных книжных магазинах в поисках хорошего хоррора или детектива и стал ходить в школьную библиотеку. Там работала библиотекарь — седая, всклооченная, и взгляд пронзительный. Мне даже было как-то страшновато подходить к ней со своим набором: Эдгар Аллан По, Кинг, Гоголь. Она чуть дрожащей рукой взяла стопку из трех книг, посмотрела на корешки, а потом, улыбнувшись, хрипло произнесла:

— Отлично, отлично.

Иногда бабушка Эмма просила меня почистить вслух, а в ответ пересказывала мне всякую классику, которую нам задавали читать по литературе.

Глава 3

У меня была одна тройка в четверти. Но не потому, что я дурак или лентяй, а потому, что историчка наша так решила. В пятом классе я стеснялся отвечать у доски, заикался, забывал даже то, что хорошо выучил. Из-за этого учительница истории навечно записала меня в троечники. И все самостоятельные работы, подписанные моей фамилией, с тех пор, как мне кажется, даже не проверяла, просто выставляла тройку.

Матвей, который регулярно списывал у меня, лишь поменяв несколько слов, получал минимум четверку. К нему, конечно, претензий у меня не было, но это случилось не раз и не два, вот что особенно обидно. Я же не мог закрыть от Матвея тетрадь или попросить не смотреть — он друг.

Для детей среднего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Анастасия Морозовская
Кладбище в кустах

Обложка Марины Карасёвой

Корректоры Валентина Чернышова, Ольга Левина

Дизайнер-верстальщик Николай Кормер

Редактор Екатерина Чевкина

Главный редактор Ксения Коваленко

Директор издательства Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»

albuscorvus.ru, readers@albuscorvus.ru

Магазин: albuscorvus.shop

Подписано в печать 04.07.2024

Формат 70×100/32

Тираж 1500 экз.

Заказ №